

ВОДНЕВСКИЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

15.02.1922 – 04.09.2008

Николай Александрович Водневский родился 15 февраля 1922 года в России, в Брянской области, в небольшой деревушке Боровка, в которой насчитывалось всего двадцать три хаты. Родители были богобоязненными православными христианами. Отец был лесничим, а мать, Ксения, домохозяйкой. Кроме Николая, у них был еще один сын и две дочери.

Благодаря старшему брату, уже в пятилетнем возрасте Николай научился хорошо читать, и был принят в школу сразу во 2-й класс. Добираться надо было пешком, семь километров босяком. Присядет на пару минут, пиджачишком пригреет ноги, и дальше бежит. Однажды, когда мама готовила обед, он подошел к ней и сказал: «Мама, я не могу ходить босым, купите ботинки. Другие имеют, а я – нет. Вы меня не любите» Она заплакала: «Сыночек, мы не можем купить. Попробуем, но если не получится, то старенькие шнурками обвяжешь вокруг ног. Смеяться будут – ничего, умные не будут смеяться».

Николай лишился и отца, и матери уже в раннем детстве. Мать умерла от истощения. Отец же ушел из дому от социальных преследований. С тех пор Николай оказался выброшенным на улицу.

О Боге знал он очень мало, имел такое же воспитание, как и все советские дети. В детстве пас коров. Уже тогда родилась и жила в нем жажда к познанию мироздания. Павел Демьянович, местный учитель, говорил: «Не верьте "поповским сказкам". Земля и все

другое само собой произошло». Но Николай задумывался, а откуда же появилась самая первая живая клетка.

Он обращался к пастуху Ануфричу, старику с белой, как капустный лист, окладистой бородой. Одевался тот всегда в один и тот же костюм, который нельзя было назвать ни сюртуком, ни халатом, ни пальто, до того лохмотья обезобразили первоначальный его вид. Славный старик не мог удовлетворить любознательность. Растягивая слова, охрипшим от простуды голосом он повторял одни и те же фразы: «Испортился ныне народ, вконец испортился... Молоко на губах не обсохло, а вишь, куда его потянуло?.. Скажи ему, сколько лет земле?.. А я почему знаю...» Прищуривая и без того узкие глаза, поросшие густыми поседевшими бровями, Ануфрич поднимал голову к небу, словно искал там ответа, и через минуту добавлял: «Богу это ведомо, а не мне. Вот и мой тебе ответ».

Прошло несколько лет. Удивительным образом сложились обстоятельства, и исполнилось желание Николая поехать в город учиться. Добрые люди помогли поступить на рабочий факультет, а спустя несколько лет, в Педагогический институт. Суровая действительность города оказалась страшнее деревни. Это были годы борьбы за кусок хлеба. В зимнее время Николай ходил по домам, пилил и колол дрова, а летом на два месяца уходил снова в деревню. Он жил месяц на сорок пять рублей государственной стипендии, из которых двенадцать рублей платил за маленькую комнатку на окраине города. От завтрака отказывался, а, возвращаясь с занятий, становился в очередь и покупал фунт черного хлеба и немного сахара. Это и составляло обед и ужин. Два раза в неделю он мог позволить себе зайти в столовую для студентов. Брал борщ или суп и полфунта хлеба, что составляло 65 копеек. С одеждой обстояло дело не лучше. В одной рубашке-«косоворотке» Николай ходил на занятия весь учебный год. Когда она становилась грязной, он снимал ее и вечером мыл под ручкомойником. Мыл почти без мыла, потому что оно стоило денег. За ночь рубашка высыхала, он разминал ее руками, и утром она была снова на его плечах.

Figure 1 Школа, где учился Н. Водневский

«Томительными были последние часы занятий. Тошнило. Рот наполнялся слюной, в животе появлялась боль. В такие минуты в голове была одна мысль: Кушать... Кушать... Кушать...

Вспоминаю один из таких часов. Я сидел за столом и смотрел на доску, где решали геометрическую задачу. Но думалось об ином: «Как устроить сегодня обед?» До получения стипендии оставалось более недели, а в кармане было только 30 копеек.

– Водневский, к доске! Продолжайте решение задачи...

Меня бросило в пот, но дело не продвигалось вперед. Урок затягивался. Все молчали. Учитель сидел с искривленным ртом, словно там был уксус, и молча смотрел на меня. Наконец, он встал и произнес обычным тоном: «Удивительно способный юноша, но ужаснейший лентяй». На последних словах он сделал особое ударение.

– Зачем ломиться в окно, если есть двери?..

Прозвенел звонок, а я все еще стоял перед учителем, выслушивая его строгие наставления. Он не знал, что в ту минуту темно-серая рублевая ассигнация была для меня интересней самой интересной геометрической задачи»

Стихи Н. Водневский начал писать, когда еще учился на рабочем факультете. Не один раз его стихи были помещаемы в стенгазету.

Однажды Николай оставил студенческое общежитие и снял дешевую комнатку в отдаленном и глухом районе города. Хозяйкой была одинокая старушка лет шестидесяти. Ее старый, сгорбившийся домик состоял из двух комнат и нескольких коморок. Одну занимал Николай.

Прасковья Ивановна, как звали хозяйку, любила днями сидеть в своей комнате и пить бурый липовый чай. Стены другой комнаты были уставлены изображениями «святых угодников» и другими иконами. С материнской любовью, она каждый день приносила Николаю хлеба и тарелку борща, бесплатно.

В один холодный январский день он простудился и вернулся с занятий раньше обыкновенного. Уже во дворе услышал звуки унылого трогательного пения. Николай приоткрыл комнату Прасковьи Ивановны. Несколько стариков и старушек стояли перед большой иконой, изображавшей Деву Марию с Младенцем на руках. Человек, облаченный в черное, стоял на коленях.

Стараясь сохранить тишину, Николай осторожно прикрыл дверь и прошел в свою комнату. Было ясно, что здесь происходило тайное богослужение. К тому времени в городе не осталось ни одной церкви. Вскоре заскрипели двери. Поодиночке, чтобы быть незамеченными, посетители Прасковьи Ивановны начали расходиться.

Несколько минут спустя, постучала Прасковья Ивановна. Она хорошо знала, что богослужения на дому противозаконны и потому могут принести суровое наказание. Но на ее лице не было видно страха. Наоборот, на нем отражалась тихая, спокойная радость.

- А мы, Николаша, Богу молились, – возбужденно сказала она. – Что ты на это скажешь? А?

Николай молчал, не зная, что ответить.

– И за тебя молились, чтобы Бог помог тебе в твоей жизни.

– Благодарю вас. Как раз я в этом теперь нуждаюсь.

– А веришь ли ты в Бога? Ведь вас теперь учат, что Бога нет, есть какая-то материя...

– Должно быть, Бог есть, но я Его не знаю, - ответил он.

– Понимаю тебя, мое дитя, – сказала хозяйка и мигом вышла из каморки. Через минуту она вернулась, держа в руке старую, порыжевшую книгу и бронзовую иконку. – Вот тебе образ Божьей Матери, Заступницы нашей. Она о всех печется, всем помогает. А вот здесь, – она раскрыла книгу, – есть молитва. «Достойно есть» зовется она. Ты, Николаша, ее заучи, – и, посмотрев внимательно ему в глаза, добавила, – Вот тебе мой совет, слушай: два разочка в день, утром и вечером, поставь иконочку на стол, да двери на крючок не забудь закрыть, читай эту молитовку три раза, осеняя себя крестом... А «Отче наш» ты знаешь?

– Покойная мать еще в детстве научила, – Николай утвердительно кивнул головой.

– Вот, хорошо. И «Отче наш» читай. Сам Христос, Сын Божий, когда жил на земле, учил так делать. – Немного помолчав, добавила, – Только, смотри, не многим про то сказывай. Сам знаешь, какой народ теперь пошел. Родному брату не верь, а не то, что другу. Как написано: восстанет народ на народ и сын будет против отца...

– Ни как же вы, Прасковья Ивановна, мне доверяете? - спросил он, ни мало тому удивляясь.

– А я знаю, что ты в НКВД не пойдешь, чтобы донести на меня. Ведь я же бедная, одинокая старушка... А вчера читала твои стихи к матери и слезу не удержала. Сама покатила непрошенная... – На морщинистое, как губка, лицо упало несколько

брильянтовых слезинок. Она, будто не замечая, смахнула их ладонью, а сама продолжала, – Жалко мне тебя стало. Я и решила тебе про то сказать.

Николай принял из ее рук молитвенник и иконку, величиной в спичечную коробку, покрытую синим налетом окиси. Будучи почти атеистом, он взял ее, как талисман. Но обещание молиться осталось только на устах. Только перед экзаменационной комиссией он твердил про себя: «Господи, помоги», - потому что, получить тройку, означало лишиться стипендии.

Со студенческой скамьи он не вынес ничего, что помогло бы разумно жить на свете. Научился курить, хотя первая папироска казалась страшно противной. Ему полюбилось вино, и вскоре он стал неплохим знатоком качества спиртных напитков. Первый заработанный рубль отнес в театр, чтобы посмотреть там «Грозу» Островского.

Но вскоре разразилась настоящая гроза. Война не дала закончить ему институт. Вскоре после начала войны Николай был направлен в военное училище и, закончив его, получил звание лейтенанта. В марте 1942 года он был напавлен на фронт. Кроме иконы, что носил в кармане, повесил на шею крест. Эти вещи он тщательно прятал от своих сослуживцев, но вскоре увидел, как то же самое делали и многие другие его сверстники. Среди них некоторые уже были членами коммунистической партии. В оправдание один из таких партийцев сказал: «Пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится».

22 июня 1942 года, ровно в годовщину войны, в одном из жарких боев с немецкими оккупантами, Николай молился Богу и в душе говорил: «Великий Бог! Ты имеешь силу спасти каждого человека... Спаси и сохрани меня... Помилуй и прости... Я буду всегда молиться и делать только хорошее». Не зная истины Божьей и характера Его любви, он готов был пойти на такую сделку с Богом, чтобы сохранить жизнь. Он видел, что в тех обстоятельствах никто не может ему помочь, кроме Бога. Чудом Господь сохранил Николая. Из ста сорока человек, участвовавших в этом сражении, уцелело только тридцать шесть.

Но вскоре он начал забывать об обещаниях, данных Богу, и продолжал жить дальше по обычаям этого мира. Только несколько первых дней он нашел силы держать себя в страхе Божьем.

19 августа того же года, в пять часов утра, на поле, между деревнями Яковлевка и Лощихино (на Смоленщине) у подножия высоты 265.7, покрытых трупами двух сибирских полков, смерть снова заглянула Николаю в лицо. И он снова повторял известные ему молитвы еще более усердно и настойчиво. «Моли Бога о мне, святой угодниче Божий Николай...» – ему стыдно было поднять очи к небесам, и потому он нашел посредников в Николае Чудотворце и Деве Марии.

В этот день Н. Водневский попал в плен. Но вот опасность миновала, а его жизнь по-прежнему хромала на оба колена. Картежная игра в условиях фронта стала излюбленным

занятием. Порою он просиживал ночи в землянках за примитивным столом в среде шумных и безразличных к жизни людей.

Н. Водневский в юности 40-х годов

Figure 2 Н. Водневский в молодые годы

«Два духа, жившие во мне, продолжали войну. Один говорил: «Делай... Это приятно. Хорошо», - а второй: «Разве ты забыл 21 июня и 19 августа? Разве ты не давал обещания Господу этого больше не делать?» Печально было, что победу одерживал нехороший дух, гость с плохой славой. Он умел так хитро успокоить и убаюкать меня, что мне ничего не оставалось, как дать ему руку и черное назвать белым»

Начальником лагеря был Густав Компас, немец, с редкими, торчащими, как у кота, усами. Гряды колючей проволоки паутиной опутывали небольшой квадрат земли. Вышки для часовых с пулеметами по углам лагеря. Низкие деревянные бараки, вросшие в землю. Надзирали, всегда серьезные вахманы. У изголовья на нарах висела жестяная банка для супа. Вечером все пленные возвращались с работы, поддерживая под руки ослабевших. Часовой у пулемета поднимал на голову капюшон и трижды ударял о кусок рельса.

Тогда внутри лагеря прекращалось всякое

движение. По нарушителям этого приказа часовые стреляли без предупреждения. А в бараках люди, как черви, ворочались на нарах, и тяжелый спертый воздух выбрасывало через разбитые окна. Всю ночь горела коптилка, гарь щекотала в носу. В девять часов вечера проходил патруль, осматривая нары, а в шесть утра его зычный голос вещал подъем.

«Ауфштейн!» – раздавалось во всех концах лагеря. Звеня банками и котелками, на ходу протирая глаза, все спешили занять очередь у кухни, чтобы потом успеть стать в очередь за добавкой. Из-за добавочной ложки жидкого супа постоянно разгоралась борьба к великой потехе администрации лагеря. Но только немногим счастливым удавалось получить немного мутной жидкости, которая на лагерном языке называлась баландой. Побеждаемые голодом, люди забывали об элементарных принципах человеческой этики.

После завтрака (это же был и обед) делалось построение всех жителей лагеря. Устанавливали сколько трудоспособных, сколько «филонит». Полицейские бегали из барака в барак с записными книжками, проверяя нары. Приготовления к работе заканчивались в несколько минут. Все получали кирки или лопаты, потом строем, по четыре, шли на работу.

На часовом пути до места земляных работ всегда оставалось несколько человек, чтобы успокоиться навеки. Этим несчастных людей полицейские добивали палками или, в лучшем случае, пристреливали. Со всех концов колонны слышалось грозное: «Лос! Лос!» Конвоиры были людьми исключительной жестокости. Заключенные были полураздеты. Только у немногих были ботинки с деревянной подошвой, остальные закручивали ноги в тряпки. Всякая попытка помочь им со стороны местного мирного населения строго наказывалась.

Голод и наступающая зима действовали угрожающе. Смерть каждый день косила ряды заключенных. Специальная команда санитаров (из полицейских) очищала нары от трупов, среди которых иногда были люди, потерявшие сознание, но еще не умершие. Отдельные могилы не рылись. Умерших хоронили без гроба, в общей яме, предварительно сняв одежду.

«Миллионы людей, не погибших на фронтовых полях, медленно умирали за колючей проволокой лагерей. В такой обстановке у некоторых людей пробуждались религиозные чувства. Пробудились они и у меня»

Однажды весной заключенным дали лопаты и погнали на запад, как гонят от пожара скот. Приближался фронт. В опустелой деревне нам дали небольшой отдых. Николай Водневский зашел в первую избу. Жильцов не оказалось. Услышав гул артиллерийской канонады, все бежали в лес. В комнате еще оставался теплый жилой запах. Кошка, единственное животное в доме, металась из угла в угол. На столе были разбросаны бумаги, книги, старые журналы, школьные тетради. Вероятно, в этой квартире жил сельский учитель. Здесь Николай увидел старую потертую книгу в порыжевшем коленкоровом переплете. Как любителя старины, эта книга его заинтересовала. Он открыл ее первую страницу и прочитал: «НОВЫЙ ЗАВЕТ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА». Ему показалось, что он нашел как раз то, что ему было необходимо. Он читал «Капитал» Маркса, изучал политэкономия и вопросы ленинизма, знал Пушкина и Гете, Маяковского и Есенина, но за всю свою жизнь не прочитал Евангелия. В избе он не задержался. Чтобы не привлечь внимания охраны, которая по-прежнему была еще строгой, он спрятав книгу под пояс и вышел на улицу.

Останавливаясь для ночлега на дорогах, на полях, в лесах, Николай прочел Евангелие со вниманием от первой до последней страницы. Оно стало его постоянным спутником. Читая Новый Завет, он увидел, насколько выше и ближе его сердцу было учение Христа, нежели идеалы социалистического общества. Читая и снова перечитывая Евангелие, Н. Водневский приобрел уверенность в бытии Бога, как Творца вселенной и всего существующего на земле. Но познать самого себя он не мог. Ему непонятен был смысл человеческих страданий, свидетелем которых он был каждый день. Казалось, что Бог, создав человека, стал в стороне от его судьбы.

Чтение Евангелия не всегда носило характер искания Хлеба Жизни. Интерес к Евангелию возрастал тогда, когда смерть следовала по пятам. Николай читал Евангелие, но читал для плоти.

Часто его внимание останавливалось на 7-ой главе Послания апостола Павла к Римлянам. В последней ее части он видел яркую картину своих личных переживаний. Николай брал записную книжку и вписывал там слова: «Сегодня такого-то числа, оставляю всякий известный мне грех, чтобы жить чистой и святой жизнью, как учит Иисус Христос...» и так далее. Но уже через несколько дней, не находя в себе силы исполнить обещанное, он с болью в сердце вырывал эту страницу из записной книжки. Тогда приходили мысли о нежизненности Евангелия. Но тут же ему становилось стыдно за себя.

«24 февраля 1946 года Бог еще раз привел меня на суд [по всей видимости, имеется в виду первая выдача перемещенных лиц в Платтлинге Советским войскам]. Был серый неприглядный день. Холодный ветер пронизывал верхнюю одежду насквозь. Мокрый снег падал за шею и холодными каплями стекал по спине. Я стоял с поднятыми руками, как преступник, осужденный на смертную казнь. И я был не один. На лицах сотен людей можно было читать отчаяние, ужас и обреченность на смерть. Нас охраняла специальная команда первой христианской дивизии. От солдат несло перегаром. В этот день исполнились мои тяжелые предчувствия. Я увидел себя снова виновным не перед людьми, за что меня хотели отдать на смерть, а перед Богом.

Но еще оставалась надежда на милосердие Божие, вера в Его всемогущество. И я начал усердно молиться. Не знаю почему я повторял несколько раз молитву Ефрема Сирина: «Господи, Владык живота моего...» Потом я почувствовал, что эта молитва не отражает моих переживаний. Я искал иных слов, и они пришли в молитве мытаревой: «Боже, будь милостив ко мне, грешному»

Их, русских невозвращенцев, везли в грузовиках к поезду. В последнюю минуту, уже перед раскрытой дверью вагона свершилось чудо: пять человек со вскрытыми венами и один с перерезанным горлом были сняты с грузовика. Им нужна была неотложная помощь. Через несколько часов Николай лежал на больничной койке и благодарил Бога.

Госпиталь было разрешено посещать католическому монаху-немцу, который принес Н. Водневскому медальон, «верный паспорт» для входа в Царство Небесное. Через несколько дней Николай призвал православного священника и, исповедавшись у него, принял и исполнил таинство причащения. Но это принесло ему лишь временное облегчение. Он чувствовал, что Бог, как справедливый судья, за непослушание вынесет тяжелый приговор.

Однако через несколько дней Бог снова открыл милость и снял Свою карающую руку. В первое же воскресенье Н. Водневский пошел в церковь, чтобы возблагодарить за это Бога. Он ставил перед «святыми угодниками» свечи, купленные за последние гроши, еще

раз обещал Богу постоянно читать Библию и молиться. И на этот раз он остался верен своим обещаниям. Но при этом был необращенным.

Николай и Анна

К концу 1946 года Н. Водневский был освобожден из Мюнхенской тюрьмы. Вскоре он заключил семейный союз с Анной Кубраковой. Здесь же, в Германии, у них родился сын Александр. Жили они в квартире на третьем этаже разбитого дома, в котором лестницы качались под ногами. Время было послевоенное. Чтобы выжить, необходимо было работать. Работы тогда было много, хотя и низкооплачиваемой. Появилось много строительных фирм, на одной из которых и работал Николай. Получал 42 марки в неделю. Этого хватало только-только свести концы с концами. Все эти годы существовала карточная система, так что это были тяжелые годы.

Н. Водневский читал литературу, которой располагал православный дом «Милосердный Самарянин» в г. Мюнхен. Он начал придерживаться наставлений отцов церкви и русских подвижников благочестия – по множеству раз повторял молитвы, стоя на коленях, а иногда ложился на пол, повторяя молитвы с еще большим усердием. Но после этого часто впадал в уныние и даже сомнение.

Посещая православную церковь святителя Николая в Великую Субботу, Н. Водневский видел противоречие между благоговейным пением хора и плотским поведением хористов. Но сам со слезами пел во время крестного хода вокруг храма тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». После, в разговоре со своим другом, он разочаровано узнал, что отец, проводивший службу, пил до этого водку. Но друг склонил выпить и Николая.

7-го августа 1948 года, в послеобеденный час, его посетил Иосиф Яковлевич Дзюба. Это был коренастый мужчина лет пятидесяти, с большой лысой головой, ясным и прямым взглядом, с мягкой, привлекающей улыбкой на круглом, чисто выбритом лице. Три дня в неделю он работал сапожником, чтобы обеспечить семью, а в остальное время разъезжал на велосипеде по лагерям и группам русских, свидетельствуя о Христе.

Войдя в комнату, он снял шляпу, затем роговые очки и после обычного приветствия вежливо спросил: «Скажите, пожалуйста, вас интересует духовная литература?»

«О, да», – не задумываясь ответил Николай Александрович. «В таком случае я могу предложить вам евангельскую литературу. Я имею немного с собой».

Заняв место у стола, он раскрыл тщательно зашнурованную брезентовую сумку и дал несколько книжонок: «Бог или природа» Бондаренко, «Примирение и покаяние» Муди и другие мелкие брошюры. Началась интересная беседа. На все имевшиеся вопросы И.Я. Дзюба давал ответы со страниц Библии.

Весь вечер Н. Водневский просидел над книгами, сверяя их с Библией. Жена, недовольная таким увлечением духовной литературой, говорила: «Не к добру это дело. Я вижу, у тебя ум за разум заходит».

На следующий день вновь состоялась встреча с И.Я. Дзюбой. Он предложил новые книги, рассказал о своем обращении ко Христу. Перед беседой он помолился простой молитвой, которая произвела на Н.А. Водневского большое впечатление.

Интерес к Евангелию возрастал с каждым днем. Рождались новые вопросы, а вместе с ними и новые сомнения. Так проходила неделя. Вечер 13 августа принес Николаю Александровичу много переживаний. Вновь состоялась беседа. Наряду с другими вопросами, говорили и о национальной истории и о значении православия в образовании русского государства. Чувства Н.А. Водневского не раз были обижены. Прощаясь, Иосиф Яковлевич оставил адрес молитвенного дома баптистов в Мюнхене.

«Было уже поздно, а мысли об этом меня не покидали. Думалось, неужели путь, на котором я теперь стою, не приведет меня к спасению, не обеспечит мне радостной вечности? Совесть мне подсказывала, что со мною не все в порядке. Уж слишком много я любил и делал того, что противно Богу. В тот вечер ничто другое не шло мне в голову. В таком состоянии я лег спать»

Он несколько раз вставал с кровати. Чувствовал, что у него повышается температура. Николай встал на колени перед иконами и прочитал: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» а потом: «Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли...» Было далеко за полночь. Жена проснулась и с горечью сказала: «Ну, милый дружок, довольно! Предупреждаю, что если завтра придет этот пророк, я ему не открою дверей. Довольно мутить тебе голову... Спать надо!» «Спи спокойно», – ответил Николай, – «Пророк завтра не придет. Я сам к нему пойду».

В субботу на работу идти было не нужно. Н.А. Водневский решил направиться к старому и близкому другу, Сергею Сергеевичу Дружинину, человеку бывалому, рассудительному, честному, и обо всем ему рассказать. Друг жил на окраине города, верстах в пятнадцати, и Николай поехал к нему на велосипеде. У моста дорога шла в гору, он слез с велосипеда и увидел на тротуаре окурков, конец которого был окрашен губной помадой. Нестерпимо захотелось курить, мутило в голове. Две недели прошло с тех пор, как он решил (не первый раз) покончить с курением, но вот... Осмотревшись кругом, Николай нагнулся и поднял окурков. Ища спички по всем карманам, он разговаривал сам с собой:

— Тряпка ты, а не человек... Думаешь о мировых проблемах, а свою личную, маленькую проблему не можешь решить. Говоришь, мелочь? А людей не постеснялся, поднял окурков. Говоришь, у тебя сила воли... А вот прикуришь и будешь наслаждаться окурком какой-то, может быть, больной уличной девки...

К счастью, спичек в кармане не оказалось.

— Врешь, — сказал он сам себе и притом так громко, что самому стало неловко. — Не обманывай сам себя и не говори, что ты — человек, верующий в Бога Всемогущего.

В этот момент Николай изменил свои планы. Решил поехать на евангельское собрание. Адрес был в кармане. По дороге растирал пальцами окурок так медленно, будто совершал над ним казнь. Табак с бумагой крошились и падали на мостовую. К четырем часам он был во дворе молитвенного дома. Из серого придавленного к земле здания доносилось стройное пение:

*Я слышу голос Твой,
Зовет меня к Тебе, -
Омыться Кровию святой,
Пролитой на кресте.*

Николай слышал, что этот голос зовет сегодня и его. Открыв двери, он занял место на задней скамейке. Проповедовал молодой человек лет двадцати. Все было необыкновенно: и песня, и проповедь, и молитва. На тот момент в частично восстановленном молитвенном доме собиралось около ста пятидесяти русских. Когда богослужение закончилось, к нему подошел Иосиф Яковлевич, по-прежнему безмятежно улыбаясь: «Ну, как дела, друг? Рад вас здесь видеть!.. Не поедem ли сегодня ко мне?» — спросил он.

Час спустя, они сидели в маленькой уютной комнатушке. Прежде, чем начать беседу, хозяин прикрыл двери. После краткой молитвы брат предложил Николаю читать вслух третью главу Евангелия от Иоанна: «Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух... Должно вам родиться свыше...», — и тот увидел, что самого необходимого в его жизни не произошло.

Беседа длилась пять минут, не больше. Жена Иосифа Яковлевича начала торопить — у нее уже оладьи подгорали.

Брат Дзюба предложил в молитве поблагодарить Бога за беседу. Когда он закончил свою молитву, Николай по-прежнему стоял на коленях. В памяти всплывали все события жизни, где Бог всегда приходил на помощь.

«А я все еще живу во грехах, ежедневно Его оскорбляю. И, как наяву, в моей памяти предстала каменная возвышенность, имя которой - Голгофа. А там, на кресте, Иисус, распятый за мои грехи, а рядом я грешный, непокорный, беспомощный... И увидел я себя преступником перед справедливым и любящим Богом...»

И первый раз в своей жизни, оставив в стороне все заученные молитвы, он сознательно сказал:

«Господи», – и слезы потекли у него из глаз, – «Иисус Христос... Я пришел к Тебе такой, как есть. Я ничтожен и несчастен, потому что во мне живет грех. Но я верю, дорогой Иисус Христос, что Ты есть Сын Божий и принимаю Тебя, как моего Спасителя сегодня».

С молитвы Николай встал с новыми чувствами, новыми желаниями, новыми мыслями и новыми целями. Этот день, 14 августа 1948 года, он запомнил на всю свою долгую жизнь, и праздновал вместо дня рождения. Тепло простившись с братом Дзюбой, он возвращался домой. Велосипед, словно на крыльях, катил его с радостной вестью к жене. От радостных чувств, переполнявших его, он восклицал: «Аллилуйя!»

Впервые он увидел весь ужас мирской жизни окружающих людей, и в душе родилось желание: «Пойду из дома в дом, к друзьям, пойду из города в город, пойду, расскажу всем об Иисусе. Расскажу, как Он нашел меня. Расскажу, как Он делает людей счастливыми...»

Но другая мысль шла по следам первой:

«У тебя же жена и ребенок. Поздно, друг, поздно. Ты хочешь пойти, отдать себя на служение Богу. А кто же даст твоей семье кусок хлеба?»

В это же время он увидел перед собой, на дороге, булку обыкновенного немецкого хлеба. Должно быть, она была уронена с автомашины. Свежий хлеб – и это в то время, когда его трудно было купить в магазине по карточкам. Брат остановил велосипед, взял его и здесь же на улице начал молиться:

«Господь, если этот хлеб послан Тобою, как ответ на мои мысли, я благодарю Тебя!»

Вскоре он был в своей комнате. Жена, увидев его в необычайном расположении духа, встретила словами: «От великого до смешного - один шаг: утром стоял на коленях, молился перед иконами, а вечером пришел домой пьяный. Как тебе не стыдно?..»

«Вот хлеб с неба», – сказал Николай, положив на стол хлеб. «Нет, дорогая, на сей раз ты не права».

Раскрыв окно, он стал на колени для молитвы, предложил и жене стать рядом. Впервые за шесть лет совместной жизни она без слов преклонила колени рядом. Стал и сынок. Он был совсем в недоумении, что случилось с папой. Николай в молитве благодарил Господа, искал исполнять волю Его, и просил за жену. Она же плакала, думая, что он сошел с ума. Потом брат выбросил то, что владело им много лет. Через окно полетел портсигар, пепельница, мундштуки и трубки, а также все запасы табака, заваливавшие карты, водочные рюмки. Жена, улыбаясь сквозь слезы сказала: «Дай Бог, чтобы это было навеки!..»

Николай Водневский, Яра Пейсти, Иоанн Марк Галустьян и Павел Рогозин

На следующий день надо было ехать на работу. По привычке Николай вскочил в третий вагон трамвая, для курящих, но не выдержав запаха, выскочил назад: «Господи, победу совершил Христос!» Друзья не узнавали Николая. К его свидетельствам об исцелении и спасении все относились подозрительно и осторожно. В православной церкви его никто не понимал. «Угорел человек», – говорили одни. «Продался баптистам», – слышал он от других.

Когда Николай проходил мимо дома, где происходили евангельские богослужения, брат Дзюба сразу подошел к нему и, словно зная о его нуждах, спросил: «Чем могу вам послужить, брат Водневский?» Потом, утешая его, повторял: «Сему надлежит быть». Но самое лучшее утешение он получил от Господа, когда на собрании обратился к Нему с молитвой. Большое подкрепление было через живые и убедительные проповеди брата Иоанна Марка. Он первый натолкнул Николая на мысль о вступлении в Завет с Господом.

Через три месяца обратилась его жена. Раньше говорила: «Мне Христос не нужен – я никого не обманула, не украла ничего, все хорошо будет». Но однажды брат возвратился с работы, а она плачет: «Коля!» – «Что?» – «Я отдалась Господу!»

После своего покаяния Николай в течение полугода посещал своего друга С. Дружинина и рассказывал ему о Спасителе, открывал свое сердце, свои переживания. А у него никакой реакции, ни положительной, ни отрицательной, только слушает, да жуёт.

«Спрашиваю:

– Хочешь, помолимся?

Он говорит:

– Ну, помолись.

Я рассказал брату Галустьяну о Сергее, говорю:

– Это друг мой, в плену вместе были.

– Ты все-таки не оставляй, не бросай его, посещай, проверяй «температуру».

И вот однажды я пришел с работы, сижу. Вдруг стук в дверь. Открываю. Стоит Сергей в дверях:

– Можно?

– Пожалуйста, пожалуйста, Сергей Сергеевич, – приглашаю.

Он заходит и с порога обнимает меня, плачет:

– Брат дорогой! Я отдал сердце Господу! Я ехал к тебе, вспоминал наши беседы о Господе, думаю «помолюсь Господу первый раз в жизни своей». Свернул в поле, где

росла рожь, чтобы никого рядом не было, встал на колени, и только сказал: «Господи!», как сразу полились слезы»

28 ноября 1948 года был воскресный день. Обыкновенное дождливое утро в Баварии было для Николая радостным и торжественным. К полудню солнце выглянуло из-за туч, посылая косые лучи на землю. Собралось много народа, местная община и много приезжих гостей. Н.А. Водневскому было преподано святое по вере крещение и другим обращенным девяти душам.

«Брат Николай, веришь ли ты, что Христос вознес твои грехи на крест?» – громко и отчетливо, но с явным армянским акцентом, спросил брат Марк. «Верю», – ответил тот.

Figure 3 Н. Водневский с братом Р. Березовым

Вскоре Николай Александрович получил вызов и в конце 1950 года эмигрировал с семьей в США, штат Калифорния, г. Аламеда, недалеко от г. Сан-Франциско. Он взял себе фамилию Ваден. Полгода спустя, в марте 1951 года, Н. Водневский переехал в г. Брайт и здесь стал членом русской баптистской церкви. В этой церкви он был благословенным тружеником до конца своей жизни. Его проповедями церковь назидалась и возрастала в благодати. Все его проповеди дышали живой, искренней верой в Бога, призывая всех к тому же. Он никогда не тратил время на пустое. Это был муж молитвы и труда для Господа.

В Америке у него родились еще трое детей: дочери Ксения и Наташа, и сын Николай.

Николай Александрович принимал активное участие в служении брата П.И. Рогозина, помогал ему в издании христианской литературы и журнала «Христианин». В Америке он познакомился с Родионом Березовым, а позже – с Верой Кушнир. Их сотрудничество продолжалось всю жизнь.

Figure 4 Брат Н. Водневский с В. Кушнир

«Я пришел к Богу через чтение христианской литературы», – вспоминал Николай Александрович, и он чувствовал призвание от Господа послужить тем же даром русскоязычным людям, находящимся в эмиграции. Он начал писать христианские заметки и публиковать их в ежедневной светской русскоязычной газете «Новая заря», выходящей в Сан-Франциско. Вскоре он стал получать письма от читателей и отвечать на их вопросы через газету. Это служение полностью увлекло его. Статьи всегда были платными. Они принимались охотно, но на коммерческих условиях: начинали с семи долларов за колонку, а потом повысили до 25-и и 30-и долларов. Это стало настолько дорого, что возникла необходимость иметь свою, христианскую газету. В это же время он начал издавать свои первые маленькие сборники стихов, свидетельств, вопросов и ответов.

По решению Комитета Тихоокеанского объединения евангельских христиан-баптистов в 1966 году, в мае месяце, Н.А. Водневский стал ответственным редактором еженедельной газеты «Наши дни», первый номер которой увидел свет 11 июня 1966 года. Типография со своими линотипами перекочевала в г. Брайт.

Николай Александрович в течение двадцати четырех лет, до пенсии, работал электриком на калифорнийской консервной фабрике пищевых продуктов «Кэмпбелл Суп». Почти каждый день после напряженной восьмичасовой смены он приезжал в редакцию и погружался в литературное творчество. По его свидетельству, многие свои стихи он пропевал. В случае необходимости, он разрешал вносить изменения в свои стихотворения.

Активной участницей в выпуске газеты стала его жена Анна, которая сменила на должности наборщица брата и сестру Карпенко. Работая на линотипе с использованием свинца, Анна получила профессиональную болезнь, в результате чего умерла 10 апреля 1978 году от лейкемии.

Устав от конфликтов, в 1974 году Николай Александрович на

шестнадцать лет оставил труд в газете «Наши дни». Осенью 1973 г. Н.А.Водневский был приглашен в Германию на конференцию миссии «Свет на Востоке» и стал ее сотрудником. На этой конференции он предложил издавать календарь «Лучи света» для ежедневного чтения, а также начать записывать христианские радиопрограммы, что вскоре и начало воплощаться в жизнь.

«Студия у меня была вот тут, в гараже. Записываю, бывало, беседу, и вдруг лай собаки. Выключаю. Успокоилась. Записываю... Но вот самолет пролетел. Нужно записать заново. Мне мое служение очень нравилось. Я благодарю Бога за мою жизнь»

В 1974 г. он основал христианский журнал «Вера и жизнь» и был его редактором до 1987 года, а затем – почетным редактором. Журнал продолжает издаваться и сегодня. Он также принимал участие и сотрудничал с миссией «Слово к России», где записывал свои произведения на диски и кассеты. Николай Александрович Водневский записал более двух тысяч радиопередач, которые разные радиостанции передавали на бывший Советский Союз. Было издано множество его книг.

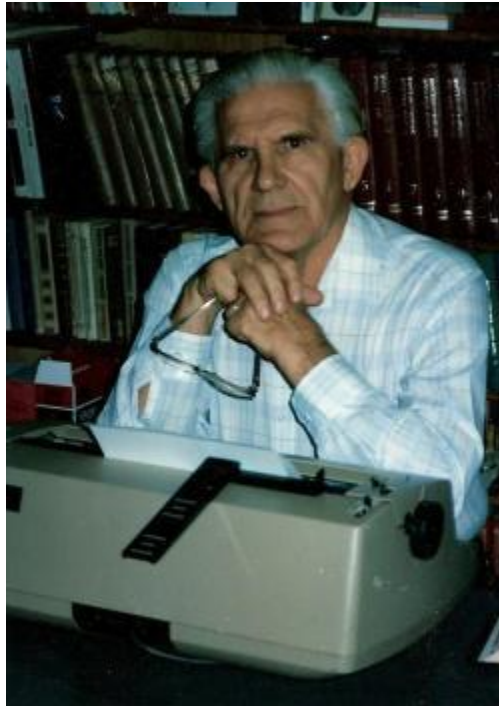
Figure 5 Брат Н. Водневский с женой Людмилой

В 1979 году Н.А.Водневский вступил в повторный брак с Людмилой Ивановной Барчук, которая до конца его жизни была верной помощницей в духовном труде и заботливой женой и хозяйкой, обустроившей семейный быт.

В 1990 году, 22 января, умер от неизлечимой болезни его первенец – сын Александр. Случилось это после войны во Вьетнаме, где он провел четырнадцать с половиной месяцев. Когда вернулся с фронта, у него начала прогрессировать болезнь. Во Вьетнаме он работал на вертолете, несколько раз попадал в районы, которые незадолго до этого были обработаны «Агентом Оранжем». Это не прошло бесследно. По возвращении в Америку яды проявились на его теле в виде пятен. Он вынужден был много лет лечиться, врачи давали ему всевозможные таблетки, пытались вывести из его организма эту химию, но ничего не получилось...

«Я был настолько предан делу Евангелия, насколько Господь не ожидал и не требовал от меня. Мало уделял внимания семье. Мой старший сынок говорил мне: «Папа! Я знаю, что ты меня всегда любил, но я вырос... без папы! Помнишь, ты взял меня однажды на рыбалку? Ты дал мне удочку, а сам сел в автомобиль и стал что-то писать или читать. Я поймал большого карпа и прибежал к тебе похвастаться: смотри,

какой большой карп! Ты увидел этого карпа и воскликнул: «Ой, да! действительно большой карп!» А сам даже не вышел из машины и тут же снова углубился в чтение»

В 1989г. Николай Александрович первый раз, после почти полстолетнего отсутствия, посетил свои родные места: г.Новозыбков, Брянск, а также свою родную деревню Боровку. Со своим служением он посетил много городов в США, Канаде, Австралии и странах Европы.

В июле 2007 года он написал заявление Комитету Тихоокеанского объединения о том, что по состоянию здоровья больше не может совершать труд в качестве ответственного редактора. Несмотря на удручающую слабость, он все же регулярно приезжал в редакцию, оказывая посильную помощь.

Николай Александрович Водневский оставил после себя жену, детей, внуков и правнуков, а его обширное творческое литературное наследие многие годы служило и будет служить людям во славу имени Иисуса Христа. Почти две недели он был без сознания и медленно угасал, а 4-го сентября 2008 года на 87-м году жизни после долгой и тяжелой болезни Николай Александрович отошел к Господу.